

Оксана Гаман-Голутвина

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЭЛИТЫ РОССИИ И ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ

В статье исследуются проблемы развития современной политической элиты Российской Федерации. Особое внимание сосредоточено на проблеме модернизации на постсоветском пространстве, анализируется специфика рекрутинга и ротации административно-политической бюрократии.

Ключевые слова: политическая элита, модернизация, административно-политическая бюрократия, проблемы развития.

Oksana Gaman-Golutvina. Political elites in Russia and problems of development. The aim of the article is to analyse the problems of development of modern political elite in the Russian Federation. Special attention is focused on the problem of modernization in post-soviet space; particularities of recruitment and rotation of the administrative and political bureaucracy are analysed.

Key words: political elite, modernization, administrative and political bureaucracy, problems of development.

Исследования элит традиционно выступают фокусом изучения политических процессов на постсоветском пространстве. Обычно предметом рассмотрения являются структурно-функциональные или персональные характеристики властных групп, однако «за кадром» остаются такие сюжеты, как факторы формирования конкретных политико-психологических характеристик представителей

элиты, мотивы поведения российских политиков современной генерации, исторический контекст изменения качеств элитных групп. Эти вопросы рассматриваются в данной статье.

Полагаем, что ответы на поставленные вопросы вряд ли могут быть однозначными, но исходным пунктом в поисках таких ответов может служить констатация слабости постсоветских элит в качестве субъекта развития.

Наиболее обсуждаемым концептом в постсоветском дискурсе и одновременно лакмусовой бумажкой качества человеческого потенциала постсоветских элит последних лет стал концепт модернизации. Впрочем, на постсоветском пространстве модернизация стала феноменом скорее *сознания*, чем бытия. В качестве причин неудач модернизации на постсоветском пространстве называются структурные проблемы экономики, финансовый кризис и даже природно-климатические катаклизмы. Однако, на наш взгляд, причины неудач модернизационных проектов на постсоветском пространстве во многом определены слабостью модернизационных ценностей и установок в структуре мотивационных характеристик элит, т. е. специфическими характеристиками именно человеческого капитала элит. Базовые установки последних во многом определили конфигурацию конкретных проявлений неэффективности систем государственного управления на постсоветском пространстве. Речь идет о специфике рекрутинга и ротации административно-политической бюрократии (практически повсеместное доминирование патрон-клиентных отношений и доминирование клановой матрицы в формировании элит, нивелировка меритократических принципов, фактическое отсутствие концептуально выстроенной системы подготовки кадров, непропорционально высокое влияние партикулярных интересов по отношению к государственным, неоптимальность отношений управленческой бюрократии с крупным бизнесом, высокая степень внутриэлитной конфликтности и др.). Особо негативную роль играют патрон-клиентные отношения в процессах рекрутинга элит. Несмотря на амбивалентность данного феномена (об этом свидетельствует, например, опыт Сингапура, где

патрон-клиентные связи бизнеса и бюрократии не помешали модернизации), на постсоветском пространстве клиентелизм выступает определенно фактором. В чем истоки модернизационной слабости постсоветских элит?

Полагаем, что помимо конкретно-управленческих измерений проблема слабости модернизационных мотиваций элит имеет и исторические измерения. В чем они?

Пролить свет на данную проблему могут помочь положения теории этногенеза Л. Г. Гумилева и прежде всего ключевое положение этой теории – идея стадиальности изменений социальных групп и их лидеров, об изменяющемся характере вклада социальных акторов в историко-политический процесс, о преходящем характере взлетов и падений отдельных индивидуумов и целых народов.

Попытки найти объяснение неравномерности исторического развития, связав эту стадиальность с качеством человеческого измерения исторического процесса, побудили Л. Н. Гумилева предложить понятие *пассионарности* как английский эквивалент термина *drive*. Данный термин был призван определить кумулятивный результат действия этнологических, географических и исторических детерминант как «фактор *икс*», приводящий в движение народы [1]: «Пассионарность – это «способность и стремление к изменению окружения» [2]. Рассматривая примеры известных пассионариев – Александра Македонского, Наполеона, Люция Корнелия Суллы, Жанны д'Арк, Яна Гуса, протопопа Аввакума, – Л. Н. Гумилев показал, что дело не в личном «героизме», а в создании этнической доминанты, которая организует пассионарность системы и направляет ее к намеченной цели [3]: «Работа, выполняемая этническим коллективом, прямо пропорциональна уровню пассионарного напряжения» [4]; «Не отдельные пассионарии делают великие дела, а тот общий настрой, который можно назвать уровнем пассионарности» [5].

В рамках данной методологической гипотезы находит разрешение дилемма «герой или массы» в качестве субъекта политического действия. Ключевая роль в истории принадлежит, несомненно, выдающимся личностям, однако из этого следует не игнорирование роли масштабных социальных

груп, а констатація їх *опосредованного участія*: більше сообщество становиться суб'єктом *благодаря* своей избыточной энергетике (пассионарности), что проявляется в выдвигении крупных исторических деятелей, призванных и способных к реализации масштабных исторических задач. Со всей определенностью можно констатировать глубинную связь между сообществом в целом [6] и масштабом лидеров. Причем порой энергичные социальные движения возникают из-за незначительных поводов, просто давая выход плещущей через край энергии молодого этноса: «Способ поддержан целостности системы зависит от эпохи, точнее от фазы этногенеза. В молодых системах элементы контактируют весьма напряженно... страстно, что и вызывает столкновения. Часто кровавые распри не несут ни идейного, ни классового смысла, происходя в пределах одного социального слоя» [7].

Концепція етногенеза Л. Н. Гумилева стала розвитком имевших место в более ранних пам'ятниках соціальної філософії спроб понять природу енергії, лежавшої в основі поступків видаючихся осіб і цілих народів. В частині, Г.-В.-Ф. Гегель писав в «Філософії історії»: «...ничто великое в мире не совершалось без страсти» [8]. Немало страниц рассмотрению роли индивидуальных страстей в развитии исторического процесса, в том числе включая самые низменные страсти, как «алчное стремление к богатству», приведшее к возникновению антагонистической социально-классовой структуры общества, посвятил Ф. Энгельс в известной работе о происхождении семьи, частной собственности и государства [9]. Известный французский историк О. Тьерри оставил описание наблюдавшихся в истории мощных общественных движений, ведомых мощной энергией, не всегда осознаваемой: «Народные массы, когда они приходят в движение, не отдают себе отчета в той силе, которая их толкает. Они идут, движимые инстинктом, и продвигаются к цели, не пытаюсь ее точно определить. Если судить поверхностно, то можно подумать, что они слепо следуют частным интересам какого-нибудь вождя, имя которого только и остается в истории. Но эти имена получают известность только потому,

что они служат центром притяжения для большого количества людей...» [10]

Отмеченные подъемы, как правило, сменяются спадами, а на смену титанам во главе государств на этапе их восхождения приходят пигмеи в эпоху упадка.

Возвращаясь к реалиям постсоветской политики, можно сказать, что предельно лаконичной характеристикой нынешнего периода эволюции постсоветских элит является его определение как *пост-имперского этапа*. Одно из правил гегелевской диалектики гласит: познание сущности возможно при выходе за ее пределы. Иначе говоря, все познается в сравнении. В текущем году был отмечен 60-летний юбилей пребывания на престоле королевы Елизаветы II, правление которой войдет в анналы не только как одно из самых длительных в мировой истории, но и как отмеченное тяжелейшим кризисом – распадом одной из величайших империй мира, о которой прежде говорили, что над ней «никогда не заходит солнце». Представляет интерес взгляд на пост-имперскую эволюцию России в свете британского опыта.

Сложившись в течение XVI–XVIII вв., Британская империя достигла пика могущества в середине XIX в. Российская – веком позже, став в начале XVII в. второй по размеру территории после Британской империи страной. Спустя столетие – в начале XVIII в. – страна обрела имперский статус, а в середине XX в., после Второй мировой войны, – в формате СССР – превратилась во вторую в мировой политической иерархии величину. Именно в этот период началось крушение Британской империи. Через полвека последовал распад империи советской. И хотя падение этих империй разделяет всего около полувека, и процессы заката имеют немало общих черт, существенных различий больше.

Главное отличие заключается в том, что распад Британской империи был вынужденным по характеру: она пала под напором центробежных импульсов, исходивших из колоний, несмотря на энергичные и целенаправленные усилия элиты по сохранению империи. Черчилль, вернувшийся во власть в 1951 г., через четыре года после утраты

главной имперской жемчужины – Индии, заявил, что выиграл выборы не для того, чтобы «председательствовать при закате Британской империи».

Распад ставшего преемницей Российской империей СССР в высшей точке его могущества в немалой степени был инициирован самой отечественной элитой – позднесоветской номенклатурой. И если логика действий руководителей национальных республик в составе СССР очевидна – обретение независимой от Москвы легитимности, – то не вполне логичный с формальной точки зрения добровольный отказ центральной элиты от власти во многом был определен особенностями внутренней организации, ментальности и установок сознания отечественной элиты конца 1980-х гг. Именно эти особенности сыграли ключевую роль в определении судьбы страны.

С чего начинается империя? Тремя китами любой империи являются *собственный «Большой проект», избыточная энергетика населения* (пассионарность – как витальная, так и метафизическая) и *эффективные технологии рекрутирования имперской элиты*, осознающей свою миссию. Совокупность перечисленных факторов составляет метафизическое пространство империи, вне которого невозможно ее физическое тело.

Первым собственным значимым историософским имперским *проектом* стал проект «Москва – Третий Рим». Впоследствии этот проект обретал различные версии, одной из которых стал III Интернационал. Не случайно Н. Бердяев писал, что вместо Третьего Рима в России удалось осуществить Третий Интернационал [11]. Особенностью историософской доктрины Российской империи (после 1917 г. в формате СССР) была *установка на развитие*: «рука Москвы» была тяжелой и жесткой, но на периферийных территориях она выполняла функцию модернизации. Определенные аналогии в этом можно провести и с империей Британской: несмотря на чудовищные издержки имперского строительства, империя не рассматривалась британцами исключительно как источник наживы – ее воспринимали как взаимосвязанное сообщество. Сложившееся в середине XIX в. представление о «времени белого

человека» сформировалось не в последнюю очередь как оправдание цивилизаторской – модернизационной – миссии.

Что касается *энергетики населения*, то именно пассионарность и эффективная энергетика населения России на протяжении веков выступала неиссякающим ресурсом, необходимым «горючим материалом» исторического движения страны. Однако, похоже, безжалостный к России XX в. истощил доселе бездонный ресурс исторической энергии: несколько революций, форсированная системная модернизация страны и победа в самой кровавой из войн потребовали таких усилий, что поставили население страны на грань психологического и физического выживания на рубеже тысячелетий.

Но важнейшие причины, определившие разницу пост-имперской эволюции России и Британии, коренятся в *особенностях формирования и ментальности политического класса* двух стран.

Специфика российской элиты была определена характером, условиями и темпами имперского строительства в России. Важнейшим по значимости фактором стали особенности территориального строительства Российской империи. Вызов пространства – «собираание земель», необходимость освоения и консолидации огромных территорий – наиглавнейший вызов любой империи, однако в случае Руси-России территориальный вызов стал не просто одним из вызовов – он стал смысловой доминантой в процессе государственного строительства и источником легитимности власти.

Динамика территориального расширения в процессе создания Российской империи была беспрецедентной. Только в период с середины XVI в. и до конца XVII в. Москва ежегодно в среднем приобретала земли, равные площади современной Голландии (150 лет подряд!). К началу XVII в. Московское государство равнялось по площади всей остальной Европе, а присоединенная в первой половине XVII в. Сибирь по масштабу вдвое превышала площадь Европы (А. Тойнби впоследствии написал, что присоединение Сибири стоило России цивилизации...). К середине XVII в. российское государство стало самым

большим государством в мире, а к середине XVIII в. территория России по сравнению с Московским княжеством начала правления Ивана III увеличилась более чем в 50 раз, составив шестую часть обитаемой суши. Таким образом, Российская империя вышла по величине территории на второе место после Британской. Таким образом, процесс территориального расширения предстал базовым фактом русской истории: «история России есть история страны, которая колонизируется» [12].

По сути, правящий слой России на протяжении последних пяти веков складывался как *геократия* – *слой, призванный собирать земли и управлять ими* [13]. Другим, не менее важным фактором стала *необходимость защищать завоеванные земли*. Описывая политический строй Московского государства, Ключевский отмечал, что этот своеобразный склад государственного порядка «объясняется господствующим интересом, его создавшим. Этим интересом было ограждение внешней безопасности народа» [14]. В то время как Западная Европа начиная с VIII в. не подвергалась тотальным опустошающим внешним агрессиям, сопоставимым с нашествием варваров на Рим (хотя редкий год проходил без межъевропейских усобиц), Россия значительную часть своей истории провела в оборонительных войнах. «Россия есть громадное континентальное государство, не защищенное природными границами, открытое с востока, юга и запада... Основанное в такой стране, Русское государство изначала осуждалось на постоянную тяжкую изнурительную борьбу с жителями степей... бедный, разбросанный на огромных пространствах народ должен был постоянно с неимоверным трудом собирать свои силы, отдавать последнюю тяжело добытую копейку, чтобы избавиться от врагов, грозивших со всех сторон» [15]. Аналогичные суждения находим и у других историков. В. Ключевский в этой связи констатировал: «Тысячелетнее и враждебное соседство с хищным степным азиатом – это такое обстоятельство, которое может покрыть не один европейский недочет в русской исторической жизни» [16]. Еще более категоричен И. Солоневич: «Все одиннадцать веков нашей истории мы находились

или в состоянии войны или у преддверия состояния войны» [17]. В период с 1055 г. по 1462 г. С. Соловьев насчитал 245 известий о внешних агрессиях на Русь; из них около 200 приходится на период с 1240 по 1462 гг., что дает в среднем по одному нашествию в год. В XVI–XVII вв. войны на южных и юго-восточных рубежах Московского государства происходили практически ежегодно, на западных границах – каждый второй год. По подсчетам русского военного историка генерала Н. Сухотина, дополненным Б. Никольским, в течение 527 лет, прошедших со времени Куликовской битвы до Брест-Литовска, Россия провела в войнах 334 года, то есть почти две трети своей истории. Однако отдельный подсчет времени войн, которые вела Россия с каждой страной, дает иную цифру – более 600 лет. Причина арифметических разночтений очевидна: в течение указанного периода Россия 134 года воевала одновременно с несколькими странами или враждебными коалициями [18]. Типичной для внешнеполитической ситуации Руси можно считать XIII в., когда она подверглась одновременному нашествию татар, Литвы и Ливонского ордена: «Наблюдая одновременное появление татар на Руси, наступательные действия против Руси новых пришельцев – рыцарей и старого врага – Литвы, мы можем сказать, что XIII в. в русской истории – время создания той внешней обстановки, в которой впоследствии многие века действовало русское племя» [19]. Немецкий дипломат Герберштейн при дворе Василия III, вынес впечатление, что для Московии случайностью был мир, а не война [20]. Английский посол при дворе Ивана Грозного писал, что война бывает у Москвы каждый год. Эти обстоятельства дали основание Ключевскому уподобить Московское государство вооруженному лагерю [21].

Для понимания роли пространства для российской элиты в историческом прошлом, следует вспомнить мысль Ф. Ницше о внешнем и внутреннем пространстве: внешнее пространство составляют формальные структуры – социальные, политические и т. п., тогда как внутренне пространство вбирает в себя важнейшие области духовной сферы, язык, сознание и т. п. В результате сложения факторов

мощного по масштабу и стремительности территориального расширения Руси-России и необходимости ее защиты *территория-земля* стала и *внешним, и внутренним* пространством российской элиты. Более того, собирание земель и их защита предстали фактором легитимности российской власти, которая выступала в качестве основного инициатора территориального расширения: «Главная особенность российской колонизации заключается в том, что ее стимулятором, организатором, регулятором был «центр», средоточие власти. И массовое перемещение населения из центральных губерний на просторы Сибири могло осуществляться лишь после того, как эти просторы были «завоеваны», стратифицированы, поглощены властью. Именно по наущению или с ведома «центра» или поставленных им в главных сибирских городах воевод или поддерживаемых и стимулируемых властью промышленников снаряжались лихие землепроходческие экспедиции вроде походов Семена Дежнева, Ерофея Хабарова или Василия Пояркова. Все оставленные ими на географической карте отметины... не только объявлялись принадлежащими московскому государю, но и геополитически привязывались к одному из центров власти – не к Москве непосредственно, так к Якутску, где сидел царский воевода, то есть становились микрокосмами, а затем и локусами власти...» [22] Таким образом, пространство предстало подлинным фактором легитимации российской власти в историческом прошлом.

Территориальное расширение в столь значительных масштабах, такими темпами при бедности государственной казны и перманентных внешних угрозах (не случайно русский историк Сергей Соловьев применительно к России употреблял выражения «бедная страна», «бедный народ») требовало запредельного напряжения сил и населения, и элиты: Российскую империю «народ строил и отстаивал ценою беспримерных в истории человечества жертв» (Иван Солоневич); «Только крайним и всеобщим напряжением, железной дисциплиной, страшными жертвами могло существовать это... государство» (Георгий Федотов). Чего стоят одни петровские реформы или сталинская индустриализация! Не случайно именно с петровских времен берет

начало многовековой спор сторонников расширения территории страны и приверженцев сдержанности в расширении границ государства, спор, актуализировавшийся в советскую эпоху.

В условиях подобного имперского строительства России рекрутирование властного класса начиная с XV в. было выстроено по «служилому лекалу», основанному на принципе «привилегии – за службу государству». Этот принцип предполагал наделение управленческого класса государства – его политической элиты – *временными* привилегиями как вознаграждение за несение службы государству. Поэтому в качестве политической элиты России на протяжении пяти веков выступал высший эшелон административно-политической бюрократии. Сложившись еще в Московском государстве, этот принцип благодаря реформам Петра I стал технологией выстраивания политических конструкций Российской империи. Можно с определенностью сказать, что имперская элита в России началась с отказа от принципов местничества и принципа землевладения в пользу «служилого критерия».

Этот критерий не случайно стал основанием системы рекрутирования власти: привилегии стали пряником, необходимым для привлечения на государственную службу, поскольку последняя в условиях России порой была весьма далека от положения праздного класса. Более того, Василий Ключевский констатировал, что в России обязательные государственные повинности падали на высшие служилые классы порой с наибольшей тяжестью [23], а Ричард Пайпс писал, что по крайней мере в одном отношении московские служилые люди находились в худшем положении, чем их крепостные: слуги государевы не могли жить круглый год дома, в кругу семьи [24].

Тяжесть государственной службы на протяжении длительных периодов российской истории была столь значительна, что в XVII в. массовый характер приобрело закладничество – уклонение от государственной службы путем перехода в холопы, т. е. ценой потери личной независимости. Причем закладничество было настолько распространено, что правительство вынуждено было принять

законодательные меры по борьбе с этим явлением, вплоть до угрозы смертной казни.

В советскую эпоху, как отмечал известный итальянский исследователь Джузеппе Боффа, в 1930–1950 гг. принадлежность к номенклатуре означала тяжкую изнурительную работу, скромно оплачиваемую, с ненормированным рабочим днем, чреватую физическим и психологическим переутомлением. Большую степень напряжения высшего управленческого эшелона советской номенклатуры в 1930-е гг. отмечал и Леон Фейхтвангер: «Почти все москвичи, занимающие ответственные посты, выглядят старше своих лет... на этих людях сказываются вредные последствия переутомления, работа совершенно выматывает их» [25].

Пожалуй, наиболее ярко иллюстрирует положение отечественной политической элиты эпизод из воспоминаний известного советского руководителя Николая Байбакова, относящийся к лету 1942 г. Известно, что ключевым моментом этого периода войны была битва за Кавказ: овладение нефтяными месторождениями выступало важнейшим условием дальнейшего продвижения вермахта, испытывавшего острейший дефицит горючего. Поставленная перед Байбаковым – тогдашним замнаркомом нефтяной промышленности – задача была чрезвычайной: уничтожить нефтяные скважины Грозного в случае захвата города немцами. Сформулированные Сталиным условия выполнения этой задачи были весьма жесткими: «Если Вы скважины не взорвете, и нефть достанется немцам, мы Вас расстреляем. Но если Вы скважины взорвете, а немцы город не захватят, мы Вас тоже расстреляем...» [26]

Эти «картинки с выставки» призваны очертить контекст существования российского политического класса, положение которого было весьма далеко от статуса подлинной элиты. Подобные параметры имперского строительства в России и определили востребованность модели формирования ее властного класса по принципу наделения *временными, на условиях несения службы государству*, привилегиями. На основании этого принципа формировалось боярство в Московском государстве, дворянство и имперская

бюрократия в Российской империи, партийно-хозяйственная номенклатура в СССР. Этот «сквозной» исторический принцип формирования российской элиты определял перманентность ее стремления обрести передающиеся по наследству, а не временные и увязанными с несением службы государству привилегии. В этом контексте можно упомянуть Манифест о вольности дворянства Петра III (1762), подтвержденный Жалованной грамотой дворянству Екатерины II (1785). Обретение *полноценных* привилегий в 1990-е гг. стало революцией элит в качестве сообщества, нацеленного на реализацию партикулярных интересов и частных целей (не случайно тогда термин «элиты» побил рекорд по степени употребления). Более того, собственность стала основанием рекрутирования во власть. Произошла *приватизация не только государства, но и статуса элиты*. Из носителя миссии она стала *частным субъектом*. Создание империи – акт «длинной» исторической воли, требующий пассионарности. Гегель был прав: «Ничто великое в мире не совершалось без страсти» [27]. Но страсть истощает. Имперская элита устала от имперского бремени.

Не исключено, что эта усталость и истощение пассионарности не имели бы столь эпохальных последствий, если бы не совпали с глубокой трансформацией и глобального контекста. Эта трансформация многоаспектна, но в данном контексте затронем только одно из ее измерений, а именно глобализацию, сопровождающуюся ослаблением национальных государств и формированием транснациональных структур и акторов и как следствие – ослаблением привязки национальных политических и экономических акторов к «месту приписки».

Одним из первых характеристику философско-политических последствий данной трансформации представил еще в начале 1990-х гг. многолетний советник президента Франции Ф. Миттерана, бывший глава Европейского Банка Реконструкции и Развития, автор десятка книг, французский экономист и политолог Жак Аттали в работе «На пороге нового тысячелетия». Аттали определил рождающийся на рубеже XX–XXI вв. новый этап цивилизационного

развития как «цивилизацию кочевников». Принципиальным отличием этой цивилизации становится изобретение и широкомасштабное внедрение в обиход компактных мобильных предметов и технологий, использование которых будет сопровождаться утратой традиционной привязанности к стране, общине, семье: «привилегированные жители как Европейской, так и Тихоокеанской сферы, а также богатейших примыкающих к ним провинций станут освобожденными, наделенными властью номадами, связанными между собой лишь желанием, воображением, алчностью и амбицией. Такая новая кочевая элита уже формируется, уже разрывает свои связи с родными местами – своим народом, своими ближними. ...Культура выбора, соединенная с логикой рынка, выделит для человека средства достижения беспрецедентной степени личной автономии. Владение кочевыми предметами (или доступ к ним) будет повсюду рассматриваться как признак свободы и могущества» [28].

Российская элита довольно легко вписалась в отмеченную тенденцию. Платой за приватизацию статуса элиты и обретение прежним «*служилым классом*» сопутствующих этой приватизации беспрецедентных по масштабу привилегий (передающихся по наследству, а не увязанных со службой государству) и стал отказ постсоветских элит на исходе XX в. от модернизационной миссии и «сброс» территорий. Территория утратила статус фактора легитимации, таковым стал скорее фактор экс-территориальности. Российские элиты в значительной мере предстали органическим элементом номадической генерации современных элит, легитимация которых увязана с органичностью их интеграции в глобальные сообщества.

Однако в оценке отказа от модернизационной миссии элит автор далек от обличительного пафоса, как минимум потому, что ответственность за судьбу страны несут не только элиты, но и общество: каждый народ имеет то правительство, которое он заслуживает. Качество руководящего слоя есть лакмусовая бумага качества общества. Кризис лидерства – верный признак упадка нации [29]. Тяжелейшего, но временного и преодолимого или окончательного – вопрос

открытый... В «Философии истории» Гегель разделял народы на исторические и неисторические. Предназначение первых – воплощение воли мирового духа (или смысла истории в терминологии Карла Ясперса) на различных этапах истории. Выполнив историческую миссию, народ может перейти в статус неисторического. Хочется думать, что применительно к евразийскому пространству этот исход не предопределен.

С учетом отмеченной выше трансформации отечественных элит постсоветский период стал больше, чем простым отказом от политико-идеологических оснований предшествовавшей эпохи – он стал радикальным отрицанием прежних системообразующих смыслов. Рубеж XX–XXI вв. (не только в России, но в мире в целом) стал переходом к нестационарной системе социальных связей и радикальной перемены значения политики и экономики, когда важнейшей доминантой социальной организации предстала широкомасштабная *маркетизация системы общественных отношений*. Применительно к сфере политике эта трансформация нашла выражение в *превращении политики в сферу бизнеса и формировании политических рынков как разновидности экономических рынков, основанных на принципах прямого обмена спроса и предложения* [30]. Причем последние понимаются не просто как специфика современных электоральных кампаний, представших как сугубо коммерческий процесс, а как *глубинная трансформация системы отношений между управляющими и управляемыми*. Данная трансформация затронула системы государственного управления: современные государства обрели сервисный формат, сближающий их со сферой коммерческого обслуживания [31].

Сказанное означает принципиальное изменение механизмов легитимации элиты: рынок «все больше и больше признается легитимной инстанцией легитимации» [32], а профессионально вовлеченные в мир политики участники занимаются *политикой как бизнесом* [33] и *ориентируются в своем политическом поведении на бизнес-стратегии* [34]. Это меняет легитимность существующего порядка и дает основание вопрос о делегитимации демократии

как идеально-типической модели политического режима и переходе к *постдемократии* [35].

В данном контексте неслучайными выглядят результаты эмпирических политико-биографических исследований состава политической элиты России [36], согласно которым значительная часть управленческого класса (депутаты государственной Думы, члены Совета Федерации, губернаторского корпуса, федеральной исполнительной власти) по базовому профилю деятельности является выходцами из бизнеса – либо политическими предпринимателями, либо предпринимателями классического толка.

Полученные в рамках упомянутого политико-психологического исследования данные коррелируют с результатами проведенных в разное время других исследований. Впервые вывод о том, что ведущей тенденцией рекрутирования российской политической элиты является не приток выходцев из силовых структур [37] (о чем писали многие публицисты в начале 2000-х гг.), а массовый приход в сферу управления выходцев из бизнеса, был сделан в рамках выполненного под руководством автора этих строк масштабного проекта «Самые влиятельные люди России» [38]. Подтверждение того, что предпринимательство стало ведущим форматом политической деятельности на примере депутатского корпуса, было получено в рамках исследования персонального состава Государственной Думы в 1993–2011 гг., также выполненного под руководством автора данных строк в рамках общеевропейского проекта по изучению персонального состава национальных legislatures [39].

Исследование О. Ф. Шаброва, основанное на изучении представительства крупного бизнеса в составе ведущих политиков России и оперирующее замерами 1993, 1996, 1999, 2004, 2007, 2008 и 2009 гг., также показывает, что выходцы из крупного бизнеса составляют весомый сегмент политической элиты России на протяжении последних двадцати лет [40].

Таким образом, *непосредственное* (например, участие М. Прохорова в президентских выборах 2012 г. в качестве кандидата) политическое участие крупного бизнеса или

опосредованное (когда предприниматели обретают депутатские мандаты или занимают губернаторские кресла, что, как показывают исследования, является в России весьма распространенным явлением) предстает как наиболее заметная черта современной российской политики.

Что касается политического участия действующих или бывших сотрудников специальных структур, то анализ [41] показывает, что профильное военное или специальное образование не мешает его носителям быть эффективными лоббистами коммерческих структур, что вписывается в упомянутую тенденцию всеобъемлющей маркетизации.

В России отмеченные тенденции масштабной маркетизации системы общественных отношений и изменения механизмов легитимации власти элит проявляются с большей силой, нежели в странах с устойчивыми демократическими традициями. Если вернуться к аналогии с Британией, то ее переход в пост-имперское качество произошел *не благодаря, а вопреки* усилиям политического класса. Сохранить империю не удалось, и многое из того, что знакомо нам из отечественной истории последних лет, имело место и в Альбионе. И тем не менее, хотя в начале 1960-х гг. о Британии говорили, что она «утратила империю и не нашла новой роли в мире», а в 1970-х гг. ее называли «большим человеком Европы» (как некогда Османскую империю), снижение субъектности не носило характер обвала.

Следует оговориться, что под восстановлением субъектности имеется в виду не стремление к созданию новой империи – об этом речь не идет в принципе. Субъектность в данном случае означает более адекватное использование разнообразного и обширного ресурсного потенциала для реализации масштабных инновационных (социальных и технологических) проектов, что позволит стать России более успешным и влиятельным политическим игроком.

Парадоксальность ситуации заключается в том, что объективные предпосылки российской субъектности налицо – разнообразный потенциал, обширная территория (Российская Федерация является самым крупным государством мира), разнообразные политические механизмы. Недостаточно одного, но ключевого ресурса – «длинной» политической воли. Пассионарности. Куража.

Каждая эпоха рекрутирует своих героев: империи создаются титанами. Но героические эпохи – в прошлом. Страсть истощает...

Впрочем, снижение политической субъектности может быть сублимировано в экономическую пассионарность. Вспоминается известная траектория развития экономического класса другой страны – «финансист – титан – стоик». История может повториться...

Возможно ли возрождение модернизационного потенциала элит? Насколько реальна задача *реабилитации ценности идеи развития* в общественном сознании?

Как показывает опыт большинства модернизаций, осознание элитой своей модернизационной миссии – не последняя по значимости предпосылка модернизации. Если *функция* властной элиты – принятие политико-управленческих решений, то ее *миссия* – это *производство смыслов, целей и стратегий движения ведомого ею общества*. Элита является таковой, когда она способна к продуцированию *общезначимых* смыслов и стратегий. Взгляд на постсоветские элиты показывает, что с этим также есть серьезные сложности. Точнее, постсоветские элиты эффективны в производстве *приватных*, а не *общезначимых* смыслов и стратегий. В чем истоки этой ситуации?

Исторически истоки трудностей имплантации модернизационных проектов в России восходили к слабости внутренних импульсов развития в рамках мобилизационной модели, по которой развивалась страна на протяжении нескольких столетий. Глубина проблемы заключается в том, что, несмотря на перманентную приверженность лучших философских умов исторической России идеям глобальной эсхатологии, в *реальной* жизни идея развития в стране не относилась к числу *безусловных базовых* ценностей как массового, так и элитарного сознания. В исторической России осуществление модернизаций, как правило, сопровождалось сверхнапряжением и сверхэксплуатацией *массовых групп*, и, соответственно, насильем (призванным компенсировать скудность иных ресурсов развития – финансовых, материальных, временных и т. д.). Уместными примерами в данном отношении могут служить

петровские реформы и сталинская индустриализация. Настороженность *политического класса* по отношению к модернизационным проектам определялась тем, что осуществление модернизаций в России, как правило, сопровождалось масштабными чистками самого политического класса, призванными обеспечить максимальную эффективность управленческого аппарата в качестве агента модернизации. Самый яркий пример – репрессии 1930-х гг., в ходе которых на смену «старой гвардии» пришел «военно-спортивный класс» (Г. Федотов) – «железные наркомы» и «железные секретари».

Постсоветский период ознаменовался заключением негативного консенсуса относительно развития: *и элиты, и население солидарно отвергали ценности развития*. И если равнодушные *массовых групп* к ценности идее развития (обусловленное маргинализацией связанных с авангардными укладами слоев) было половиной беды, ибо позиция массовых групп не оказывала значимого влияния на определение стратегического курса, то результатом глубокого индифферентизма *элит* к идее развития стала демодернизация экономики. Элиты продемонстрировали *утрату стратегической субъектности, без которой развитие невозможно*.

В свою очередь, стратегическая бессубъектность стала следствием целого ряда причин, среди которых следует упомянуть практически повсеместную – исключения редки – приватизацию государственных институтов кланово-корпоративными структурами. Значение этого обстоятельства определено тем, что реализация исторической и политической субъектности невозможна без наличия государственной оси идентификации как инструмента агрегирования общезначимых целей и ценностей. Между тем для политического класса ценностно значимым стал корпоративный (точнее квазикорпоративный) принцип идентификации, для населения – региональный. Еще одной причиной неэффективности элит стала высокая степень внутриэлитной конфликтности: элита предстала в качестве *террариума единомышленников* [42].

Однако важнейшие глубинные истоки неэффективности элит на постсоветском пространстве в качестве субъекта развития во многом определены значительными политическими, психологическими и нравственными издержками практик форсированной модернизации на протяжении предшествовавших исторических периодов и возникшими в ходе этого развития деформациями. Индифферентность постсоветских элит к проблемам стратегии стала оборотной стороной и результатом гипертрофии эсхатологической устремленности предыдущих версий форсированных модернизаций с их *приматом ценности будущего и инструментальности настоящего*. Перефразируя известную формулу Дж. Кеннеди, можно сказать, что в России слишком долго спрашивали: «Что ты можешь сделать для страны», поэтому сейчас большинство граждан интересуется тем, что страна может сделать для них. Индифферентизм постсоветских элит к идее развития определяется их колоссальным неудовлетворением в связи с перманентно воспроизводившимся *противоречием между функциями владения и распоряжения*, свойственного советской номенклатуре, преемницей которой стала постсоветские элиты. Распоряжаясь колоссальными материальными госресурсами, совпартноменклатура в части личного состояния была весьма бедна, а по меркам сегодняшнего дня – нищенствовала. Большая часть имущества даже высших иерархов было казенной: на мебели стояли штампы управления делами, это имущество подлежало периодической инвентаризации. Именно *противоречие между правом распоряжения* – действительно масштабным, в отдельные периоды практически неограниченным – и *правом владения* (вернее, фактическим отсутствием такового) стало ключевым противоречием сознания советской номенклатуры – противоречия, побудившего советский правящий класс стать «могильщиком» советской системы. Поэтому неудивительно, что доминирующей целевой установкой постсоветской элиты стало стремление *получить все сразу, здесь и теперь* – даже ценой отказа от миссии.

Естественным подобным продуктом этой установки стала реархаизация и ретрадиционализация вместо модернизации, в т. ч. и в сфере элитобразования. В этом контексте

неслучаен произошедший в ряде республик бывшего СССР масштабный регресс процессов элитообразования, характеризующийся в ряде регионов переходом от релевантного модерну бюрократического принципа формирования управленческого аппарата к рекрутированию элит на основе социальных связей добуржуазного типа: заново образовались и обрели политический статус жузы в Казахстане, региональные кланы в Узбекистане, земляческие кланы в Таджикистане и родственные кланы в Туркмении, тейпы в Чечне и т. д. Поэтому задача формирования модернизационной ценностной мотивации политического класса в настоящее время весьма сложна.

Сложность задачи дополняется еще и тем, что переориентация на цели модернизации определяется не только краткосрочными факторами, но также *законами длинных волн* колебаний между приверженностью общезначимым и частным ценностям, ибо общественная жизнь, как писал Эмерсон, физиологична – подвержена циклическим изменениям.

«Смену вех» можно проследить на материале американской истории, апеллируя к известной работе А. Шлезингера «Циклы американской истории». Шлезингер убедительно показал, что общественная активность и частный интерес в истории циклически сменяют друг друга (цикл в данном случае определяет перемещение точки приложения усилий нации между целями общества и интересами частных лиц); длительное социальное напряжение истощает нацию эмоционально. Поскольку вне подобного длительного напряжения модернизация невозможна («Развитие есть тяжелая недобровольная работа, направленная против самого себя», – писал Гегель [43]), пики последней неминуемо сменяются упадком общественных сил. В эти периоды политическая деятельность на классовой и групповой основе затухает, а политическая деятельность, формируемая факторами культурного характера – по этническому, религиозному, моральному признаку – выходит на первый план. Поэтому помимо отдыха, период доминирования частных интересов – это время консолидации, в рамках которого усваиваются и узакониваются

нововведения предшествующего периода, а также накапливаются предпосылки для будущего рывка [44].

В размышлениях о перспективах переориентации российских элит на ценности развития надежда видится, как это ни парадоксально, в кризисе, точнее в значимом сужении оптимистических альтернатив эволюции в связи с кризисом, который, помимо очевидных негативных эффектов, является и окном новых возможностей. Ограниченность возможностей ведущих глобальных игроков относительно мягкими способами разрешить катастрофического масштаба экономические трудности побуждают их ужесточать политику по отношению к партнерам, а последних – искать возможности «автономного плавания». Сказанное может означать императивность поиска российскими элитами возможностей выживания на путях *развития*. Именно такой сценарий может позволить политическим элитам не только решить экономические проблемы страны, но также существенно расширить базу своей социальной поддержки, а значит, легитимности. Однако этот сценарий не является безальтернативным. Вполне реально принципиально иная перспектива – стать легкой добычей более сильных игроков в их борьбе за выживание. Какой из этих сценариев реализуется, в значительной мере зависит от человеческого капитала российских управленческих элит, от их способности просчитывать риски, принимать нестандартные решения, проявлять волю к реализации непростых решений, находить возможности компромисса с партнерами и подавлять деструктивные силы.

1. Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. – М. : Гидрометеоздат, 1990. – С. 260.

2. Там же. – С. 266.

3. Там же.

4. Там же. – С. 273.

5. Там же. – С. 270.

6. Для его определения Гумилев употреблял не вполне удачную конструкцию этноса: «Этнос – не просто скопище людей, теми или иными чертами похожих друг на друга, а система различных, по вкусам и способностям личностей, продуктов их деятельности,

традиций, вмещающей географической среды, этнического окружения, а также определенных тенденций, господствующих в развитии системы... реальную этническую целостность мы можем определить как динамическую систему, включающую в себя не только людей, но и элементы ландшафта, культурную традицию и взаимосвязи с соседями». См.: Гумилев Л. Н. Указ. соч. – С. 103.

7. Гумилев Л. Н. Указ. соч. – С. 261.
8. Г.-В.-Ф. Гегель. Философия истории. – СПб. : Наука, 1993. – С. 76.
9. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – Т. 21. – С. 176.
10. Тьерри О. Избранные сочинения. – М., 1937. – С. 255.
11. Бердяев Н. Истоки и смысл русского коммунизма. – М., 1990.
12. Ключевский В.О. Сочинения в 8 т. – Т. 1. – М., 1956. – С. 31.
13. Термин *геократия* используется также Д. Н. Замятиным, но с другим смысловым наполнением: для обозначения той неопределенной когнитивной ситуации, которая сложилась в результате осмысления роли географического пространства в истории России и российской цивилизации. См.: Замятин Д. Н., Замятина Н. Ю. Пространство российского федерализма / Политические исследования. – 2000. – № 5. – С. 98–110; Замятин Д. Н. Гуманитарная география: Пространство и язык географических образов. – СПб. : Алетей, 2003.
14. Ключевский В. История сословий в России. – Пг, 1918. – С. 121.
15. Соловьев С. Чтения и рассказы по истории России. – М. : Правда, 1989. – С. 428–429.
16. Ключевский В. О. Русская история. Полный курс лекций в трех книгах. – М. : Мысль, 1993. – Кн. 1. – С. 54.
17. Солоневич И. Л. Народная монархия. – М., 1991. – С. 40.
18. Никольский Б. Войны России // Русский колокол. – 1928. – № 3 // Наш современник. – 1991. – № 5. – С. 184; 280.
19. Платонов С. Ф. Лекции по русской истории. – М. : Высшая школа, 1993.
20. Ключевский В. О. Русская история. Полный курс лекций в трех книгах. – М. : Мысль, 1993. – Кн. 1. – С. – 514.
21. Ключевский В. История сословий в России. – Пг, 1918. – С. 181.
22. Королев С. А. Бесконечное пространство. – М. : ИФРАН, 1997. – С. 33.
23. Ключевский В. История сословий в России. – М., Петроград, 1918.
24. Пайпс Р. Россия при старом режиме. – М., 1993.
25. Фейхтвангер Л. Москва 1937 год. – М., 1990.
26. Байбаков Н. Сорок лет в правительстве. – М., 1993.

27. Г.-В.-Ф. Гегель. *Философия истории*. – М., 1993.
28. Аттали Ж. *На пороге нового тысячелетия*. – М. : Международные отношения, 1993.
29. Gaman-Golutvina O. *Political Leadership and Political Elites in Russia*. In: Masciulli J., Molchanov M., Knight W. A. *The Ashgate Research Companion to Political Leadership*. Ashgate, 2009.
30. Подробнее см.: Пшизова С. Н. *Политика как бизнес: российская версия (I-II)* // *Полис*. – 2007. – № 2–3.
31. Подробнее см.: Гаман-Голутвина О. В. *Изменение роли и функций современного государства и реформы государственного управления: отечественный и мировой опыт* // Олейник А. Н., Гаман-Голутвина О. В. *Административные реформы в контексте властных отношений: опыт постсоциалистических трансформаций в сравнительной перспективе*. – М. : РОССПЭН, 2008; Dyczok M., Gaman-Golutvina O., eds. *Media, Democracy and Freedom*. Bern : Peter Lang, 2009.
32. Бурдые П. *О телевидении и журналистике*. – М., 2002. – С. 42.
33. Пшизова С. Н. *Политика как бизнес: российская версия (I)* / *Полис*. – 2007. – № 2.
34. Пшизова С. Н. *Политика как бизнес: российская версия (II)* / *Полис*. 2007. – № 3. – С. 75.
35. Крауч К. *Постдемократия*. – М., 2011.
36. См. напр. *Человеческий капитал российских политических элит. Политико-психологический анализ*. – под ред. : Е. Б. Шестопал, А. В. Селезневой. – М. : Росспэн, 2012.
37. Хотя в начале 2000-х гг. эта тенденция действительно имела место. В этой связи в начале 2000-х гг. немало писалось о том, что возрастание удельного веса действующих и бывших военных в период первого срока президентства В. В. Путина привело к формированию в России новой правящей хунты – милитократии. См., напр.: Крыштановская О. В. *О формировании милитократии в России* // *Pro at Contra*. – 2003. Осень–зима. Критику данной позиции см.: Гаман-Голутвина О. В. *Политические элиты России: персональный состав и тенденции эволюции* // *Самые влиятельные люди России* / отв. ред. О. В. Гаман-Голутвина. – М. : Имидж-контакт, 2004; Ривера Ш., Ривера Д. *К более точным оценкам трансформаций в российской элите* // *Полис*. – 2009. – № 5.
38. Гаман-Голутвина О. В. *Региональные элиты России: персональный состав и тенденции эволюции* // Гаман-Голутвина О. В., отв. ред. *Самые влиятельные люди России*. – М. : Имидж-контакт, 2004.
39. *Результаты предшествовавших этапов данного проекта см.:* Гаман-Голутвина О. В. *Российский парламентаризм в исторической ретроспективе и сравнительной перспективе* // *Полис*. – 2006. – № 2–3.

40. Шабров О. Ф. Динамика изменения удельного веса и влияния корпоративного компонента политической элиты постсоветской России // О. В. Гаман-Голутвина, отв. ред. Элиты и общество в сравнительном измерении. – М. : РОССПЭН, 2011.

41. См.: Гаман-Голутвина О. В. Политические элиты России: вехи исторической эволюции. – М. : Росспэн, 2006. – Гл. 6.2.

42. Гаман-Голутвина О. В. Террариум единомышленников? Независимая газета. – 2.6.1999.

43. Г.-В.-Ф. Гегель. Философия истории. – М., 1993.

44. Шлезингер А. Циклы американской истории. – М., 1992.